

11.01.

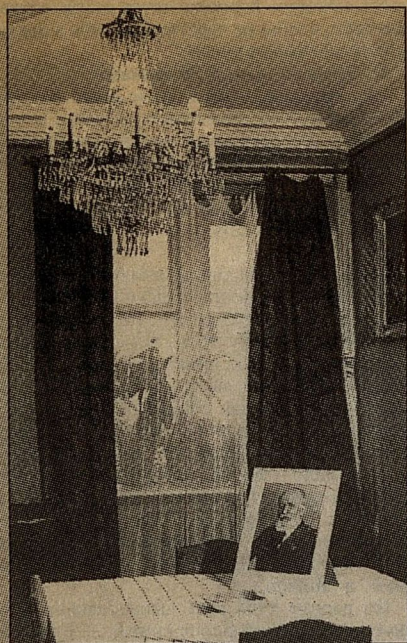
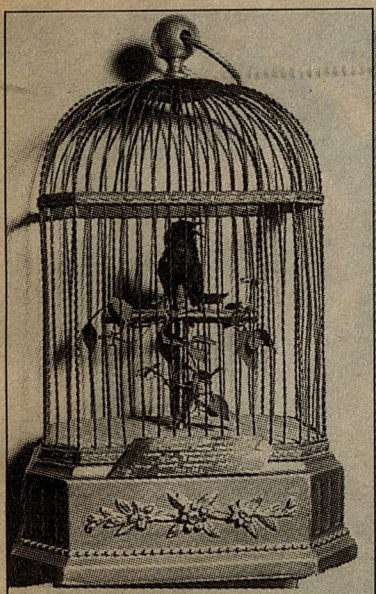
Старые ровесники К.С.

Экран и сцена - 2001. № 4 (44) - с. 16

Цельность дома

Марина ЛЕВИНА

В театр ходят уже давно и много. Кризис миновал. Кино, жуя попкорн, смотрят часто. В выставочные залы и картинные галереи заглядывают по выходным. Как правило, в модные или большие. Это Ренессанс культуры? В библиотеках людей — не специалистов — становится меньше. Музеи посещают, но редко.

Наверное, боятся запаха пыли. Не той, которую смести можно (и ее, конечно, в музеях сметают), а той, про которую говорили когда-то, что ее необходимо "стряхнуть с ног". То есть, менее метафорически и чуть более пафосно выражаясь и делая логические выводы — общей массой не ценится осознание прошлого во всей полноте его. Удовлетворяется эта потребность в знании прошлого условным набором теорий и фактов. Которые тем не менее все равно мертвы без подробности подлинных деталей — свидетельств и современников ушедшего, ушедших.

Конечно, для домов-музеев, посвященных отдельным людям, самой опасной является особенность, лежащая в основе их устройства. Она и благо, и вред. Необходимость сохранить подлинность обстановки и ее месторасположения (ну, или хотя бы видимость этого) исключает изменение экспозиции на много лет. То есть навсегда. Дом остается в том времени, которому принадлежал его хозяин, неподвижным островком, обтекаемым рекою. А времена, прошедшие быстро, забываются в суете. Остаются символами, отделившимися от быта знаками времени, культуры, — имена. Работы. Книги. Картины. Ноты. Спектакли. И легенды.

Дома-музеи — тени жизни, которой они посвящены. Оболочка. Обломки. Осколки. У каждого из них, как и у исчезнувшего обитателя, есть легенда, своя собственная формула места, которую затверживают наизусть. О квартире в Глинцевском переулке, в которой жил Вл.И.Немирович-Данченко, обыкновенно говорят: "Здесь все осталось на тех же местах, на каких стояло при жизни хозяина. Вещи подлинные". Про дом в Леонтьевском переулке тоже, но еще: "Здесь витает дух Станиславского. Палаты относятся к 17 веку". Действительно, в квартире Немировича-Данченко все осталось на тех же местах, что прежде, и "каждой из вещей касалась рука Владимира Ивановича", как сказано в афише музея. На том же месте, справа от дверей в гостиную, главная достопримечательность квартиры — книжный шкаф до потолка, поделенный на ячейки с глухими дверцами и овальными портретами писателей на них. Так было угодно хозяину, по проекту которого "многоуважаемый шкаф" сделан, — оригиналу и книголюбу, режиссеру, систематизатору. На тех же местах, что были, портреты людей, особо значимых в его жизни: Чехова, Ермоловой, Качалова, Станиславского, жены, брата (известного тогда писателя), сестры-актрисы. Многие с драгоценными надписями. Малень-

кие и немногочисленные комнаты наполнены в хаотичном смешении множественно прелестных мелочей. Письменный стол набит пузырьками с высохшими чернилами, игральными картами, коллекцией пенсне. В одной из соседних комнат помещена выставка портретов старых мхатовцев работы ему современных известных художников.

В доме Станиславского оживленно. Экскурсанты, студенты, иностранцы. Анатолий Эфрос писал: "В других местах я не чувствовал себя так хорошо, как здесь". Через окна столовой проникает в сумерки розоватый свет. Открыты под, наконец, починенной крышей, две новые комнаты-зала: "Домашний театр Алексея" и "Дни Турбиных" (о постановке, о Булгакове в театре). В булгаковской комнате — попытка, может быть, чуть наивной стилизации — прижилась знаменитая печка из романа. На нижнем этаже обитают выставки. В доме читают лекции и устраивают вечера.

Подтверждая мысль о некоей изначальной метафорической "осколочности", присущей музеям, эти дома, словно части разбитой драгоценной вазы, разделены городом, разбросаны им. Они частицы того театра, создателям которого посвящены. Но сильным магнитом, какими-то невидимыми нитями стягиваются и тот, и другой к центру-дому, на Камергерский, к лаконичному и строгому зданию Шехтеля. Вернее, к дому 3-а, на третий этаж этого здания, что между учебной сценой Школы-студии имени Вл.И.Немировича-Данченко и издательством МХАТ, туда, где находится центр музея Художественного театра. К нему относятся и музей-квартира, и особняк в Леонтьевском. Туда, где хранится огромный архив объемом более трехсот тысяч единиц (вся история МХТ и МХАТ) и существует читальный зал, выдающий документы специалистам.

Хранение архивов. Обращаясь к хрестоматийному Пушкину: "Без прошлого нет будущего". Здесь, в кабинете директора музея Ирины Корчевниковой — Ефремов на портрете во весь рост, со светлыми, пронзительными и грустными глазами. Он тоже, как Станиславский и Немирович-Данченко, уже прошлое Художественного театра и хранитель его. Ушел в тот пласт, который теперь составляет фундамент. В зрительской зоне открыты не только воссозданная гримерная Станиславского и кабинет Немировича-Данченко, но и мемориальная гримерная Олега Ефремова, его фойе.

И все это объединяется в целое, в целый, все-таки не разрушенный временем, властью, людьми дом. По самому большому счету, не разрушенный. Потому что, пока есть фотографии и документы, память о Станиславском и ефремовский портрет, стены будут те же, что при них, а камни — помнить их шаги, даже если в театре неоднократно делали ремонт, а покрытие мостовой меняли к столетию театра.

